

Документальный триллер

Павел
Вощанов

Ельцин как наваждение

ЗАПИСКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОХОДИМЦА

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

2021

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)
В 61

Вощанов П.И.

- В 61** Ельцин как наваждение. Записки политического проходимца / П.И. Вощанов. – М.: Родина, 2021. – 416 с.: илл. – (Документальный триллер).

ISBN 978-5-907351-33-2

Журналист Павел Вощанов познакомился и сблизился с Борисом Ельциным в начале 1988 года, когда экс-руководитель Московского горкома КПСС был сослан на «аппаратное перевоспитание» в Госстрой СССР. Спустя год, когда будущий первый президент России ушел в большую политику, Вощанов начал исполнять обязанности пресс-секретаря Ельцина; во время августовского путча 1991 года именно Вощанов проводил пресс-конференции в стенах Белого дома. В феврале 1992 года из-за растущих личных разногласий с Ельциным Павел Вощанов подал в отставку.

В своей книге он приводит невероятные подробности фантастического взлета Бориса Ельцина, рассказывает о тех людях в России и за рубежом, которые поддерживали опального поначалу политика и помогли ему подняться, говорит о причинах растущего влияния Ельцина и его конечной победы в 1991 году. Книга Вощанова действительно уникальна, ведь он как пресс-секретарь президента знал много такого, что было неизвестно остальным.

**УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)**

© Вощанов П.И., 2021
ISBN 978-5-907351-33-2
© ООО «Издательство Родина», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько историй в качестве предисловия	6
Глава 1. Америка нам голову вскружила	17
Глава 2. Свобода у мясного прилавка	39
Глава 3. Незлопамятный и умеет прощать	52
Глава 4. Здесь вам не там	64
Глава 5. Вам и не снилось	74
Глава 6. В ожидании путча	100
Глава 7. Не хухры-мухры	110
Глава 8. Грузинский схрон	168
Глава 9. Израильская прелюдия	184
Глава 10. Евроконфуз	206
Глава 11. Объяснение необъяснимого	247
Глава 12. Бункер для демократов	264
Глава 13. На границе тучи ходят хмуро	281
Глава 14. Застолье у Лаврентия Берия	303
Глава 15. Открытый для диалога	317
Глава 16. Ради этого стоило жить!	332
Глава 17. Друзья и на «ты»	342
Глава 18. Прощальный аккорд	352
Глава 19. Тайная миссия в Грозном	383
Послесловие. Признание неудачи	409
Послесловие к послесловию. Иллюзии и вера	412

Борис Николаевич, в силу известных причин, нетребователен к своему окружению, поэтому часто становится жертвой разного рода политических проходимцев. Один из таких — Павел Воцанов. Человек, несомненно, талантливый, но вы не представляете, что он вытворяет за спиной президента!

*Из интервью Анатолия Собчака
ТРК «Петербург»*

Есть ереси поколения
от Ельцина до Воцанова.
Я прекращаю прения.
Заверещаю.

*Из поэмы Андрея Вознесенского
«Большое заверещание»*

НЕСКОЛЬКО ИСТОРИЙ В КАЧЕСТВЕ ПРЕДИСЛОВИЯ

Так уж случилось, что свои зрелые годы (а у мужчины «зрелые годы» — это такой период жизни, когда для смешливых тургеневских барышень он уже стареющий дядя, а для степенных бальзаковских дам все еще молодой человек) я посвятил российской политике. Все началось со спонтанно возникшего желания что-то круто переменить в собственной жизни. Вопреки советам коллег спрятал в сундук написанную, но еще не защищенную докторскую диссертацию, распрощался с Институтом экономики, где чувствовал себя эдаким мадагаскарским тараканом в домашнем террариуме, от которого хозяевам ни пользы, ни удовольствия, и поступил на работу в «Комсомольскую правду». В ту пору это была самая многотиражная советская газета, подспудно, иной раз сама того не ведая, насаждавшая в стране политическое инакомыслие.

Никогда не забуду свою первую заметку, посвященную тому, что вроде бы знал не понаслышке — интеллектуальному убожеству отечественной экономической науки, которая вместо поиска эффективных путей развития страны занималась обслуживанием правящей партийной верхушки, придавая

наукообразие ее абсурдным и бесплодным идеям. Прочитав мое творение, Владимир Сунгоркин, в ту пору редактор Рабочего отдела КП и мой непосредственный начальник, произнес не вдохновляющее, но обнадеживающее «Сойдет» и поручил молодому журналисту Борису Утехину слегка «причесать» текст. Через несколько дней, развернув свежий номер своей газеты, я увидел свою фамилию на второй полосе, и сердце радостно ёкнуло: напечатали! Но каково же было огорчение, когда, начав читать, понял, что Утехин переписал все, как говорится, от «А» и до «Я», и его текст оказался намного лучше моего. Настолько лучше, что и сравнивать нечего.

Как же мне тогда было стыдно! Хотелось уволиться и навсегда забыть дорогу на улицу Правды. Но как-то сумел себя пересилить, сделал вид, что ничего страшного не случилось, и даже получил гонорар за заметку Бори Утехина, подписанную моим именем, который, правда, в тот же день был пропит с коллегами по Рабочему отделу. Мне очень хотелось остаться в «Комсомолке». Очень! Здесь мне все было по душе. Особенно новые товарищи, молодые, азартные и бесшабашные. Да меня, в общем-то, никто из редакции и не гнал. Все, от Главного до стажеров, понимали, что первый газетный блин еще ни о чем не говорит. Время покажет, на что я способен. Но для себя вывод я все-таки сделал — надо учиться газетному ремеслу. И, наконец, у меня это получилось, потому как спустя полтора года я уже был лауреатом высшей премии Союза журналистов СССР «Золотое перо», а моя почта в «Комсомолке» стала одной из самых многочисленных.

Это были годы, насыщенные переменами и свободомыслием. Какую бы критику сегодня ни наводили на Горбачева, но только при нем и только благодаря нему мы научились говорить и писать то, что думаем. Разумеется, в чем-то ошибались, частенько перегибали палку, но после стольких лет жизни в атмосфере полуправды и тщательно продуманного обмана эти издержки были практически неизбежны.

До прихода в газету я много лет кряду писал отчеты о результатах научной работы, которые фактически не требовали от меня никаких умственных усилий. Заказчик (а им могло быть любое госучреждение, от союзного министерства до планового отдела какого-нибудь строительного треста в северном Нарьян-Маре) заранее формулировал то, к чему должна прийти моя высоконаучная мысль, и это непременно увязывалось с задачами, вытекающими из последних решений Коммунистической партии. Как правило, я садился за работу не ранее, чем за месяц-два до установленного срока сдачи, по-

тому как наверняка знал, что кроме моего институтского руководства этот труд прочтает лишь один человек на Земле — какой-нибудь никому не нужный чиновник какого-нибудь никому не нужного управленческого подразделения. А, может быть, даже и тот не станет попусту утруждаться — подмахнет отчет, ритуально пригрозив, что делает это в последний раз и что больше подобных послаблений не будет. Но на следующий год все повторится. По сути, жизнь тратилась на то, что никому, и в первую очередь мне самому, не было нужно.

Теперь же я получал несказанное удовольствие от творчества, которого прежде не испытывал и даже не представлял, что такое возможно. Сначала писал о прелестях мне самому неведомой рыночной экономики и о полной бесперспективности централизованного планового руководства, а после, с не меньшей страстью, принялся сокрушать устои советской тоталитарной системы, погубившей миллионы человеческих жизней и, в конечном счете, не давшей людям ничего, кроме скромного достатка и гражданского беспорядка. И всякий раз получал в ответ неподдельное кипение страстей. Меня восхваляли и ругали десятки, если не сотни тысяч прочитавших очередную мою заметку.

А потом я повстречался и сдружился с Борисом Николаевичем Ельциным, и с этого момента моя жизнь сделала еще один крутой вираж. Некто Геннадий Алференко, в свое время возглавлявший Фонд социальных инициатив и организовавший скандально известную поездку опального политика в США, в своих интервью не раз утверждал, что это-де он нас познакомил и только благодаря его стараниям Вошанов оказался в команде будущего президента России. На самом деле впервые мы встретились еще в Екатеринбурге, где Ельцин отвечал за строительство, а я был прислан из столичного НИИ в помощь тамошним экономистам для решения того, что не имело разумного решения — требовалось сбалансировать объемы строительных работ с мощностями дислоцированных в регионе подрядных организаций. Однако по-настоящему сблизились и стали сотрудничать мы уже в Москве, и произошло это благодаря Льву Суханову, помощнику Ельцина по Госстрою СССР, куда тот был сослан на аппаратное перевоспитание.

Я наблюдал Ельцина в разных его ипостасях — как опального чиновника, как депутата-оппозиционера, как главу парламента, как руководителя исполнительной власти одной из республик в составе СССР и, наконец, как президента Российской Федерации, провозгласившей себя суверенным субъек-

том международного права. По сути, это были разные люди, и каждый последующий импонировал мне меньше предыдущего. С последним, с Ельциным-президентом, я вообще проработал недолго, чуть более года. Когда стало совсем невмоготу, не попрощавшись, не сдав дела и даже не получив расчета, ушел из Кремля на вольные хлеба (правда, оказалось, что они не такие уж и вольные) и со страниц разных газет принялся обличать политический курс своего бывшего босса. Но о нем самом не написал ни слова, хотя было что вспомнить и о чем рассказать. Откровения позволял себе разве что в общении с самыми близкими мне людьми, да и то в обстановке дружеского застолья, когда сдерживающие центры головного мозга расторможены горячительными напитками.

Мне казалось, в своих рассказах я объективен, а то, что в них Борис Николаевич иной раз не блещет эрудицией и мудростью, так в том нет моей вины. Как говорится, что наблюдал, о том и пою. Но однажды мне довелось несколько дней провести в обществе корифея мировой офтальмологии Святослава Федорова, после чего я переменил мнение о собственной беспристрастности. Было это в ту пору, когда всемирно известный ученый задумал создать Партию самоуправления трудящихся. Идея благородная по своей сути, но абсолютно иллюзорная по возможностям реализации.

Днем мы встречались с его многочисленными сторонниками, а вечера коротали вдвоем или в компании его особо приближенных однопартийцев. Обстановка была дружеской и весьма доверительной, что, видимо, и сыграло со мной злую шутку — я нарушил данное самому себе слово никогда при посторонних ничего не рассказывать о своем кремлевском житье-бытье. Федоров слушал мои байки без комментариев и ограничивался междометиями, выражающими то удивление, то досаду. Но спустя несколько дней, когда мы уже вернулись в Москву и попрощались в аэропорту, он вдруг заметил как бы невзначай:

— Я не слишком большой поклонник Ельцина, но мне кажется, он все же не совсем такой, каким ты его рисуешь.

— Есть сомнения в моей правдивости?

— Ни в коем случае! — доктор обнял меня за плечи, давая понять, что не хотел обидеть. — Но заметь, во всех твоих рассказах о Ельцине есть два главных героя — он и ты, и ты всегда мудрее и дальновиднее.

Боже ж ты мой! Оказывается, все эти дни в глазах академика я выглядел мстительным хвастуном! Мне стало так неловко, так стыдно за себя, что, не зная, чем оправдаться, про-

мямлил: но ведь я же рассказывал только то, чему сам был свидетелем.

— Я в этом и не сомневаюсь. Но пойми, так устроена человеческая память. В ней есть стержень, на котором держатся все воспоминания, и этот стержень — наше «Я». Оно и превращает достоверность в субъективную оценку.

— Это что же выходит, в свидетельствах очевидцев не может быть исторической правды?

— Очевидцы, если они порядочные люди, всегда говорят правду. Но то, что они говорят, нельзя считать исторической достоверностью. Из каждого такого свидетельства нужно обязательно отсеять все личное: «Я подумал... я увидел... я понял... я почувствовал... я удивился». И если без всех этих «Я» что-то от воспоминаний останется, о том и можно будет сказать: все так и было!

То, что он говорил, было понятно по сути. Непонятным было другое — как такое возможно практически применить, к примеру, в работе над книгой о Ельцине, если задумаю ее написать? Будут в ней эти хвастливые «Я» или их не будет вообще — это же ничего не изменит. Как бы я ни старался скрыть свое присутствие в тех или иных исторических эпизодах, оно все равно вылезет. Явно или неявно.

— Пиши так, будто это какой-нибудь flashback, — и почувствовав мое удивление, спросил: — Не знаешь, что это такое? А ты почитай книгу двух канадских нейрохирургов «Эпилепсия и функциональная анатомия мозга». Уверен, после этого у тебя не возникнет вопроса, как писать книгу о Ельцине.

Знакомый врач-психиатр, услышав мой вопрос о том, есть ли у него книга Пэнфилда (Penfield W.) и Джаспера (Jasper H.), обеспокоенно поинтересовался: у тебя какие-то проблемы? Пришлось сказать, что книгу советовал почитать Святослав Николаевич Федоров. Обеспокоенность сменилась ехидной усмешкой: слава Богу, что совет дал офтальмолог, а не проктолог.

— Это еще почему?

— Ну, глаза все же ближе к мозгу, чем ж***а!

Несмотря на насмешки, я буквально силой заставил себя прочитать сей высоконучный труд от корки до корки. Но, как и следовало ожидать, ровным счетом ничего в нем не понял, кроме одного тезиса, который ученые сформулировали не как предмет своего исследования, а как сопутствующий ему постулат. Видимо, к его восприятию мой интеллект оказался более или менее пригоден. Он, этот самый постулат, поразил меня до глубины души: оказывается, в своих воспоминаниях о про-